

ВЕСЕННЕЕ

Это снег вернулся или
Молоком сады облили?

Долго-долго было серо
И безрадостно, как вдруг
Солнце, вспыхнув, словно сера,
Растопило всё вокруг!

Петушок закукарекал
Под весёлый раскудах;
Затрещали льды на реках,
На озёрах, на прудах;

Ручеёчки побежали —
Растеклись и вдаль, и вблизи;
И вздохнули горожане:
— Слава Богу, дождались!

Глянь, от солнца пышет прямо
Как от доменной печи,
Как от каменки огняной
Разбегаются лучи!

Вот они вонзили стрелы
В землю мёрзлую, смотри —
Запестрело, запестрело,
И пробилась изнутри,

Сергей Леонтьев — поэт, автор-исполнитель. Член Союза писателей России, Международного союза писателей и публицистов (МАПП). Родился и вырос в Иванове, живёт в подмосковном городе Белоозёрский. Тексты публиковались во многих литературных журналах, газетах и других изданиях Автор нескольких поэтических сборников, музыкальных альбомов. Обладатель Гран-при, лауреат фестивалей авторской песни и поэтических конкурсов в России и за рубежом. Обладатель 2-го места в открытом творческом конкурсе на создание гимна Подмосковья, автор официального гимна г. Воскресенска. Ведёт активную концертную деятельность (творческий дуэт «Остров» с А. Серёгиной).

Жадно солнышко глотая,
Обгустев ещё не вся,
Зелень, зелень молодая,
Просыпающаяся!

Головой, дивясь, качну я,
Как, — тонюсеньки, мелки, —
Через заморозь ночную
Прорастают стебельки?

Ничего, пойдут на вымах —
Лето красное вершить!
В этих крохотных травинах
Столько тяги, тяги жить!

Всё — в черёд, в одну цепочку
Под весенним под шатром:
Солнце, птицы, зелень, почки,
Рыбий нерест, первый гром...

Торжествуй, Природа-Матерь,
Да под эту толчею
Расстилай скорее скатерть
Самобранную свою!

В этом праздничном весенье
Столько радостных вещей —
Свет Христова Воскресенья,
Вкус пасхальных куличей,

Птенчий голос из скворешни,
Дух сирени за окном,
Отсидим под солнцем вешним,
Отгуляем, а потом

В лето мостик перебросим,
Будут Троица, Илья,
Ну, а там старуха-осень
До исподнего белья

Оберёт сады и парки,
Раздарив ветрам листву,

И начнём мы ждать подарки
Ко святому Рождеству,

На саях промчатся Святки,
А немного погода
Треснут льды, начнутся схватки,
Заторопится дитя,

И рукой неуловимой
Время в стареньком пенсне
Перережет пуповину
Новорождённой весне...

ПОКОЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Неровным, размыкающимся строем,
В мир неисповедимой тишины
Уходит поколение героев,
Уходит поколение войны.

Не сетуя, по выдоху, по вдоху,
Слабеющей лучиною горя,
От нас уходит целая эпоха,
Вместившая войну и лагерь.

Но если жизнь на небе всё же есть —
Там всё готово к званому обеду,
Там ждут последних,
чтобы вместе сесть
И выпить за великую Победу.

И там, где всем навеки хватит места,
Где незачем и не с кем воевать,
Отцов увидят дети наконец-то,
А вдовы станут жёнами опять,

Обнимутся солдаты и матросы —
Медаль, звеня, ударит о медаль.
И будут петь Шульженко и Утёсов,
А Шостакович сядет за рояль.

И где-то там в рубахе деревенской,
Как на портрете — и плечист, и юн, —

Сидит мой дед, пропавший
 под Смоленском,
 И обнимает бабушку мою,

Её — того родного человека,
 Что, в смерть не веря,
 в стареньком доме
 Ждала его, ждала его полвека,
 Не отдавая сердце никому.

Идут солдаты в небо тропкой узкой
 И будто входят в свой родимый дом:
 — А ну-ка, где тут первый

Белорусский,
 Ну, где тут мой гвардейский
 батальон?

И тут же, сразу — всё порасспросили:
 — Ну, что у нас? Какой теперь
 расклад?

А к ним прильнут:
 — Ну, как она, Россия?

А к ним прильнут:
 — Ну, как она, Москва?

Рассядутся за длинными столами,
 И разольётся песня, как река,
 Аж колыхнётся боевое знамя!
 Но это будет после, а пока...

Задумавшись, в нетягостном
 молчанье,

На облако присев, как на топчан,
 Дымят махрой и ждут однополчане
 Оставшихся своих однополчан.

ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ

В буквы превращаются чернила...
 Я пишу об истинном, благом—
 Как она, любя, меня кормила
 Материнским тёплым молоком.
 Сколько солнца в этом человеке,

Тихого домашнего огня!
 Господи, храни её вовеки—
 Женщину, родившую меня!

Мысли зреют и ложатся в строки,
 В тоненькую синюю тетрадь.
 Я как будто снова на уроке,
 Жизнь учусь любовью измерять.
 И она — мудра, добра, красива,
 Из того сентябрьского дня.
 Много тысяч раз тебе спасибо—
 Женщина, учившая меня!

Строфы слиты, как стальные звенья.
 Точно так же спаяны во мне
 Те неповторимые мгновенья,
 Что прожиты с ней, наедине.
 Мчит Земля по Солнечной орбите,
 И живу я, в памяти храня,
 словно драгоценную обитель,
 Женщину, любившую меня!

Лей, душа, и музыку, и слово!
 Размешай их в песню без конца!
 Я спешу, чтобы увидеть снова
 Очертания милого лица.

Пусть наш день — и светел,
 и восторжен,

Длится, златом солнечным звеня!
 Я тебе ещё полжизни должен,
 Женщина, простившая меня!

Скоро май осыплет снегом вишни.
 Как же много хочется успеть!
 Верю я, поможет мне Всевышний
 Вас, мои любимые, воспеть!
 И уж раз подумалось о Боге,
 Попрошу я, голову склоня:
 Дай, Господь, безоблачной дороги
 Девочке, похожей на меня!..

1

Вначале было Слово. До того
 Лишь тёмный дух носился над водою,
 И крошечное солнце молодое
 Ваял Господь из сердца своего.
 И пала мгла! И пал на землю свет!
 И это было первым чудом света.
 И потекли до звёзд и до планет
 Сквозь бесконечность световые лета...
 И начались обычные дела:
 Текли века, моря солили суши,
 Земля ютила мёртвые тела,
 А небо щедро принимало души...

Выходит, свет из Слова был рождён?
 А, коли так, то всё подвластно Слову!
 Тому, что было истиной, остовом,
 Поводырём, владыкою, вождём,
 Из-за него Христос светлоголовый
 К распятому столбу был пригвождён!
 Его несли любимым на устах,
 С ним шли на плаху, поднимались
 в битву,
 И, славя светлоликого Христа,
 Летели к небу чистые молитвы...

2

И где оно теперь? Скажите, где?
 В развалах одноразовых книжонок,
 Проказой иноземной заражённых
 И пресных, словно каша на воде?
 Увы, увы! Оно уже давно,
 Не убоясь ни Бога и ни чёрта,
 Эфирною размыто болтовнёй
 И жёлтыми газетами истёрто,
 Зализано казённым языком.
 Истерзанное уличною бранью,
 Оно давно томится под замком,
 А не сверкает яркою огранью...

Но вот оно, послушное перу,
 В твою строку легонечко ложится,
 Как маленькое зёрнышко пшеницы —
 Чтоб зацвести, взрасти, заколоситься,
 И, наконец, страница за страницей
 Разлиться в бесконечность точка ру!
 О, ты, Поэт, немногий из людей,
 Тебе дана, дана такая сила,
 Чтоб эта нива вновь заколосила!
 Вспаши её! И царствуй! И владей!
 Чтоб Слово проливалось, как елей,
 Как Солнце, приходящее с востока!
 Холи его и пестуй, и лелей!
 И говори! От сердца. От истока.

Давай, Поэт, давай, Поэт, давай!
 И, словно в вену тяжелобольного,
 Ты кровь свою в строку переливай,
 Чтоб навсегда вначале было Слово!

САХАРУ.NET

1

В этот день в Москве вьюжило,
 В Токио цвела сакура,
 Раз и навсегда с ужина
 Я решил не есть сахара!

Жили мы тогда с Ладкою.
 Согрешив, тотчас каялись...
 Жизнь и так была сладкою,
 Но уже, смотрю — кариес,
 И ремень давно короток,
 А XL второй меряю —
 Еле застегнёшь! Скоро так
 Третью начинать серию!

Сказано, Ладусь, — кончено!
 Слово мужика каменно!
 Больше никаких пончиков,
 Никаких тортов маминых!

Сахар — это ж смерть белая,
Толку от него, проку ли?
Лучше съесть хурму спелую
Или отварить брокколи!
В баньку походить русскую,
Фитнес зарядить далее!
Будут у меня мускулы,
Будет у тебя талия!

2

Дни текли, в шкафу сладости
Белой зацвели плесенью.
Мы сказали «нет» слабостям,
И всё меньше мы весили!
Так бы и идти об руку,
Так бы и шагать рядышком!
Но, забыв про всё доброе,
Изменила мне Ладушка!
Ох, в каком я был ауте
В день, когда у ней, ветреной,
Я нашёл батон баунти,
Съеденный на три четверти...

3

Скоро год, весну вынянчив,
Новой прорастёт вехою.
Я живу один нынече,
Ладка от меня съехала.
Вечером, когда в телике
Новости идут, шоу ли,
Я приму сто грамм беленькой
И сажусь считать джоули.
А с утра меню выстрою
И в спортзал лечу с песнею!
Вот такая вот history...
Думаете, всё? Если бы!

В день, когда циклон с Питера
Жителей накрыл Мирного,
Сало с бороды вытер я
И решил не есть жирного...

ПОД ОТКОС

Она пришла мятежом, набатом,
Пришла, как в сонную ночь гроза.
Казалось, атом стучал об атом,
Когда встречались у нас глаза!

Желанье — таинством неминучим
Манящей бездны разверзло пасть.
И мы лишь ждали удобный случай,
Чтоб нам, обнявшись, в неё упасть...

О, как тягуч и до сласти жуток,
Мечтами дерзкими зарождён,
Истомный времени промежутков,
Когда мы первую близость ждём...

* * *

С моей душою сливайся, Слово,
Быстрее мысли по строчке мчись,
Меня рисуя — едва живого
От осязанья её ключиц!

Глубин заветных ещё не тронув,
Уже стучалось сильнее в разы—
Она из молний, а я из громов!—
И мир не ведал такой грозы—

Неукротимой и с ног валящей,
Освобождающей естество,
Несущей жажду и жар палящий,
А после — счастье и торжество!

Был май, и ветер звенел листвою,
Звенел, с пичугами заодно,
А мы вдыхали — теперь нас двое!
И превращались опять в одно!

А за окошками, рядом где-то,
Ведома полчищами стрекоз,
Весна с разбега врзалась в лето,
И оба падали под откос....

КАРА-ДАГ

Таял день наш, закатом растроган,
Солнцу море взбивало постель.
Мы по горным, скалистым отрогам
Из Курортного шли в Коктебель.

Пел разбойничий ветер-бродяга,
Стрекотали цикады-звонки,
Впереди же хребты Кара-Дага
Обнажали свои позвонки.

И хотелось ударить в литавры,
Чтоб восторг в эти горы плескал!
И, казалось, огромные тавры
Наблюдают за нами со скал.

А у неба, над их головами,
Отражая закат золотой,
Как ягнята курчавые к маме,
Облака прижимались к Святой.

Кара-Даг! Устоявший под лавой,
Замеревший на самом краю!
Молчаливый, могучий, столбавый,
Не пускающий в душу свою...

Мы, увы, в бесконечное канем,
Наш удел человеческий таков.
Но останутся море и камень
Неизменны во веки веков!
Море, временем несокрушимо,
Камень, временем не побеждён!
Будут небо дырять вершины,
Падать волны солёным дождём!

Будет, вторя Ревущему гроту,
Ни на йоту нутром не истлев,
Охранять Золотые Ворота
Заколдованный каменный Лев!

Таял день, ставший полностью нашим,
Растворившийся где-то внутри.

Шли мы вверх мимо каменных башен,
Чтоб с вершины воскликнуть:
— Смотри!

Чтоб восторженно выдохнуть:
— Ух, ты!

Заискрив, как голицынский брют,
И сойти в коктебельскую бухту,
В наш счастливый, но краткий приют,

Где тонул, от заката всполошён,
Берег в мареве крымского дня,
И, прищурясь, косматый Волошин
С Кара-Дага глядел на меня.

Сентябрь 2018 г.

ДВА ОГНЯ

1

Ночь убаюкивала в плоть
До невозвратного прогала,
Когда бревенчатая плоть
Запольшала!

А изнутри, из-под стрехи,
Разведав все ходы и ниши,
Огня метнулись языки
Под юбку крыши.

Бросало в жар огромный дом,
Валился брус, рвались стропила.
Что устоит перед огнём,
Набравшим силу?

Собаки выхрипли во мглу,
Срывало жаром с яблонь листья,
И сбились в пепел на полу
Стихи и письма...

Всё обречённой и слабей,
Перерезая дыма платье,
Кружила стая голубей
Над голубятней.

Дом уходил в небытие...
Качала ель сожжённой лапой,
И дождь, не справившись с огнём,
Стыдливо плакал.

И заворачивало, жгло
От этой первобытной силы,
И памятью меня несло
И уносило...

2

Теплел камин, и согревался плюш,
И оживали мягкие игрушки,
Разлил огонь оранжевую тушь,
И лёг молочный дым на кудри стружки.

Берёзовою дымкою пьяня,
Защёлкали весёлые поленья,
И, трепетные, полные огня,
Нашли меня глаза твои оленьи...

За мной, строка! Тебе уже пора
Туда, к зачатью огненного круга!
Где полетели на пол свитера,
И двое сердцем тронули друг друга...

Огонь, огонь... И божество, и бес,
Слуга и господин, палач и лекарь,
Из подземелья вышедший, с небес —
Могучий зверь, живущий с человеком!

И мы в пылу любви роднимся с ним,
Неистовым, когда, кидаясь в пекло,
Два пламени становятся одним
И выгорают радостно до пепла...

3

Дышала ночь в чернеющий проём,
Она казалась в вечность погружённой,
А мы, одним насытившись огнём,
Смотрели на другой заворожённо.

Слова текли сквозь сердце у меня,
Текли, строку замешивая густо.

Как сиротливо дыму без огня,
Так беден стих, не выросший
из чувства...

ПОКАЯНИЕ

Без двадцатого века я — не я,
Без двадцатого века мы — не мы!
Для моей страны покаяние—
Это как прожиточный минимум!

Это как экзамен вступительный
В новый век. Не блажь, не желание.
Это путь к истокам живительным,
Это двух эпох межевание!

За постыдное, за уродское
Всей страной должны повиниться мы!
За Шаламова и за Бродского,
Гумилёва и Солженицына!

Это мы тащили их волоком
В каземат, на дыбу, на плаху ли!
Это мы разбили Царь-колокол,
По державе молотом бахая!

Это мы росли некрещёными
И тянули руки на выборах,
Мы не трогали запрещённое
И молчали вялыми рыбами!

Мы, сыны отчизны и дочери,
С деревень срывали исподнее,
И покорно строились в очередь,
И взрывали Храмы Господние!

Обгореловый, искорёженный
Божий лик чернел в куче хламовой!
Нет, не вычеркнуть то, что прожито,
Сколько рук себе не заламывай...

Путь один — мостить
сквозь болота гать,

Да дремучий лес вековой валить!
Ох, шагать ещё — не перешагать,
И молить ещё — не перемолить!

Чтоб страна моя не наград ждала,
Чтоб тянуло в храм, не на плац её!
Если мы действительно граждане,
Если мы действительно нация!

И, со дна поднимаясь самого,
Напитавшись духовной силою,
Мы учиться жить будем заново—
Не казня учиться, а милуя!

ОДУВАНЧИК

День весенний так обманчив:
То — как туча, то — как шёлк!
Милый, милый одуванчик,
Как же юн ты, как же жёлт!

Солнце рыжее пасётся
В небосиневом кругу—
Одуванчики под солнцем,
Как цыплята на лугу!

Огонёчки полевые,
Сквозь нечёсаную сныть

Дружно вытянули выи—
Солнца вешнего испить!

* * *

Но весна отсоловится —
Тяжек времени каблук!
Побелеет, отжелтится
Одуванчиковый луг,

Полетят, завьются дымкой, —
Только дунет ветерок, —
Невесомые сединки
По обочинам дорог,

По лугам, опушкам, поймам—
Упадать в земную плоть,
Чтоб задумалось с тобой нам:
Хорошо решил Господь! —

Божьим словом, Божьим делом
Прописал земную суть:
Всё на этом свете белом
За собой оставит путь!

Вот и наше, человечье,
Одуванчику под стать:
Уходить и бесконечно
Новой жизнью прорастать!..